

© 2025 г.

А.И. КОЛГАНОВ

ДИФфуЗИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

КОЛГАНОВ Андрей Иванович – доктор экономических наук, профессор, заведующий Лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (onaglo@mail.ru).

Аннотация. Процессы размывания (диффузии) социальной структуры позднего капиталистического общества – симптомы развития посткапиталистических тенденций. Структура основных социальных классов в странах высокоразвитого капиталистического общества переживает в XXI в. большие сдвиги. Происходит дробление основных классов на все более узкие социально-профессиональные группы. Одновременно отмечаются как переплетение в рамках одной социально-профессиональной группы различных классовых характеристик, так и исполнение одними и теми же лицами разных социально-классовых функций. Формируются и такие тенденции, которые затрагивают многие социально-профессиональные группы, придавая им общие свойства. Характерно в этом смысле формирование прекариата – приобретение представителями различных социально-профессиональных групп такого общего свойства, как неустойчивость занятости и получаемых доходов. Но наиболее фундаментальные сдвиги в социальной структуре и в социальном положении различных социальных слоев капиталистического общества связаны с возрастанием роли творческой деятельности. Эта тенденция вызвана распространением современных сложных технологий, ростом знаниеинтенсивности производства, потребностью капитала в поддержании высокой интенсивности инновационных процессов. Такие сдвиги ведут к формированию противоречий между условиями самореализации человека в творческой деятельности и теми узкими рамками, в которых эта деятельность подчинена интересам самовозрастания капитала. При этом значительная часть творческого потенциала используется в рамках «бесполезного сектора»: значительная часть «креативных индустрий» ориентирована на цели не человеческого развития, а манипуляции рынком и поведением потребителей для эффективного присвоения прибыли.

Ключевые слова: творческая деятельность • прекариат • посткапитализм • диффузия классов • социальная структура • человеческий потенциал

DOI: 10.31857/50132162525030119

Говоря в рамках теории творческого марксизма о формировании посткапиталистических тенденций, нельзя заниматься произвольным конструированием «воздушных замков» будущего. В своих выводах обществоведам-марксистам следует опираться на реальную практику, которая предстает в двух видах. Во-первых, 70-летний опыт социалистического строительства в СССР, пусть и неудачный, из которого можно и необходимо извлечь исторические уроки. Во-вторых, наблюдаемые нами тенденции эволюции позднего капитализма, те реальные процессы, по которым можно судить о направлениях дальнейшего развития и о возможности его перехода на качественно новую ступень. Именно этой второй части практического опыта посвящена настоящая работа. Разумеется, в одной статье невозможно охватить все связанные с этим проблемы, поэтому остановимся прежде всего на тех выводах, которые можно сделать при анализе эволюции социальной структуры современного капитализма. Многие выводы, которые будут сделаны, носят предварительный и гипотетический характер, поскольку в большей мере опираются на методологические и общетеоретические соображения, нежели на конкретные эмпирические наблюдения.

Переход к новому способу производства всегда опирается на формирование новых, переходных, социальных групп, обычно выступающих в оболочке прежних основных классов. То же самое касается и эволюции господствующих классов. Именно с точки зрения изучения процесса формирования таких переходных социальных групп (как признака формирования предпосылок перехода к новому способу производства) следует взглянуть и на эволюцию социальной структуры современного капитализма.

Современный капитализм характеризуется значительными переменами в социальной структуре по сравнению с тем, что было характерно для него 200, 100 или даже 50 лет назад. Все основные классы капиталистического общества приобрели новый облик. Этот облик стал расплывчатым, и те специфические социально-профессиональные группы (особенно вновь сформировавшиеся), из которых состоят основные классы капиталистического общества, начинают все больше отдаляться от своих базовых классовых характеристик. Хотя прежние классы не распались (поскольку новые социальные группы все же сохраняют признаки основных классов), им становятся свойственны и некоторые новые (переходные) черты. Поэтому внимание будет далее сосредоточено не просто на появлении *новых тенденций* в социальной структуре капитализма, а на рассмотрении их под углом зрения того, как в этих переменмах отражаются признаки либо *кризисных явлений* в капиталистической социально-экономической системе, либо формирования *переходных элементов* к новой – посткапиталистической системе.

Изменения в социальной структуре в XX в. Отметим основные тенденции изменений в социальной структуре промышленно развитых капиталистических стран в прошлом веке. Прежде всего изменения в технологической и отраслевой структуре производства влекли за собой изменение удельного веса различных социально-профессиональных групп в составе лиц наемного труда и мелких самостоятельных производителей.

Во-первых, вместе с постепенным снижением удельного веса сельского хозяйства в производстве валового продукта в высоко развитых странах происходило и сокращение удельного веса фермерства и сельскохозяйственных рабочих. Параллельно в менее развитых странах развертывалось превращение выходящего из докапиталистических отношений крестьянства и батрачества в фермеров и наемных сельскохозяйственных рабочих.

Во-вторых, происходил рост удельного веса наемных работников сферы услуг (равно как и мелких самостоятельных производителей в этой сфере) при сокращении промышленного пролетариата, что было основано на изменении структуры ВВП в пользу сферы услуг. В менее развитых странах, напротив, вместе с догоняющей индустриализацией происходил рост численности промышленного пролетариата, что вело в результате к росту его удельного веса в мировом хозяйстве в целом.

Рука об руку с этими процессами происходило (и даже опережало его) сокращение удельного веса домашних слуг (прислуга, домашние учителя, гувернантки, садовники, повара и т.д.), которые даже к началу XX в. во многих странах составляли вторую по численности

социально-профессиональную группу после промышленных рабочих или крестьян. В Великобритании в 1901 г. они составляли даже первую по численности профессиональную группу [Shaw-Taylor, 2009: 17]. Даже в «среднеслабой» России по переписи 1897 г. они были второй по численности группой в городском населении и третьей – во всем населении после занятых в сельском хозяйстве и промышленности [Рашин, 1956: 321–322].

Этот процесс определялся несколькими факторами: сокращением удельного веса и снижением экономического могущества земельной аристократии (для которой характерно наличие большого штата слуг); расширением современных (более привлекательных, чем роль домашней прислуги) видов женской занятости; переходом все большего числа услуг не как личных, а на основе капиталистического предпринимательства; постепенным размыванием привилегированного социального статуса лиц свободных профессий и низших государственных чиновников и т.п. Снижение удельного веса домашних слуг отражало изживание пережитков феодальной эпохи в социальной структуре капиталистического общества.

Одновременно происходило изменение структуры господствующих классов: упомянутое снижение удельного веса земельной аристократии, продолжение дробления класса капиталистов на специализированные социально-профессиональные группы (банкиров, торговых капиталистов, коммерческих посредников, промышленников, рантье, финансовых спекулянтов, высших управляющих и т.д.). В первой трети XX в. заметные масштабы приняло формирование слоя наемных менеджеров и технических специалистов, оттеснивших владельцев капитала от выполнения многих предпринимательских функций [Veblen, 1921; Berle, Means, 1932; Chase, 1932]. Это нашло отражение в известной мифологеме «революция управляющих» и утверждении о превращении капиталистического общества в «менеджеральное» [Burnham, 1941]. Позднее эта тенденция была положена в основу концепции технотехнологической структуры Дж.К. Гэлбрейта [Гэлбрейт, 1969].

Другая попытка сделать серьезные теоретические и прогностические выводы из отмеченных сдвигов в социальной структуре была предпринята на основе обращения исследователей к тенденции сокращения промышленного пролетариата и роста удельного веса работников сферы услуг. Особое внимание обращалось на рост прослойки специалистов и профессионалов. Это послужило одним из оснований для вывода о наступлении (или приближении) постиндустриального общества [Bell, 1973]. Но если с точки зрения отраслевой структуры занятости роль индустрии действительно существенно сократилась, то с точки зрения технологической основы и содержания труда почти во всех отраслевых сегментах экономика даже в начале XXI в. так пока и не вышла за пределы индустриального технологического базиса.

Новейшие изменения социальной структуры: новые социальные слои. В последней трети XX и в начале XXI вв. появились новые тенденции, не связанные с отраслевой структурой производства, а пронизывающие все отрасли и все профессии.

Важнейшая из них – увеличение удельного веса работников, в деятельности которых существенную роль играют творческие функции. Этот сдвиг обусловлен возрастанием интенсивности производства [Бодрунов, 2018: 69–70], а также масштаба и темпа инновационных процессов. Как неоднократно отмечал А.В. Бузгалин, новейший капитализм предъявляет гипертрофированный спрос на креативных работников в таких «креативных индустриях», которые нацелены в значительной мере на манипуляцию потребителем и/или на обслуживание процесса присвоения прибыли. Речь идет о финансовых спекулянтах, маркетологах, производителей медийного контента, поставщиков разного рода иллюзий и симулякров («торговцев успехом»). Эта деятельность образует «превратный сектор», не работающий на создание общественных благ, на создание условий для реального развития человека, на удовлетворение жизненных потребностей людей [Бузгалин, Колганов, 2019: 20–23; Buzgalin, Kolganov, 2021: 175–177].

Другая тенденция – появление во многих социально-профессиональных и в некоторых классовых группах слоя лиц, характеризующихся неустойчивым социальным статусом и неустойчивостью притока доходов (даже если их средний уровень в итоге достаточно высок). Этот слой получил название «прекариат» [Standing, 2011; Тощенко, 2015].

Проблема неустойчивости занятости (в связи с этим – неустойчивости социального статуса вообще), возрастания на этой основе социального отчуждения привлекла внимание социологов еще в 1980-е гг. [Beck, 1986]. Ряд западных социологов пришли даже к выводу о формировании в результате нового класса [Воронин, Крамер, 2023: 112]. Независимо от различий в подходах к характеристикам прекариата, общим для социологов было указание именно на неустойчивость и нестабильность занятости как на главный отличительный признак этого социального слоя [Kalleberg, 2011; Standing, 2011]. Такой облик прекариата не позволяет называть его классом, поскольку для прекариата не характерно наличие всей совокупности признаков общественного класса. Скорее, речь идет о совокупности особых сегментов различных социальных групп и классов, выделяемых лишь по одному признаку – особому (неустойчивому, нестабильному) характеру занятости.

В литературе достаточно давно изучены экономические причины появления прекариата. Его образование связывают со стремлением капитала усилить эксплуатацию наемного труда и освободиться от обременительных социальных гарантий. Этому способствовали развитие глобализации, дающей возможность капиталу мигрировать в регионы с более уступчивой рабочей силой, а также новые технологии, позволяющие шире использовать не коллективный, а индивидуальный труд, что разобщило трудящихся и усиливало переговорные позиции капитала на рынке труда. «Никто не может обоснованно полагать, что он застрахован от следующего раунда “сокращения”, “оптимизации” или “рационализации”, от неустойчивых изменений рыночного спроса и причудливых, но непреодолимых, неукротимых требований “конкурентоспособности”, “производительности” и “эффективности”. Это предвещает трудоустройство без встроенных гарантий занятости, твердых обязательств или будущих льгот, предлагаемых не более чем срочные или скользкие контракты, увольнение без предварительного уведомления и без права на компенсацию» [Bauman, 2000: 161–162]. Вследствие этого возростала разобщенность людей в социально-экономической системе капитализма, развивались отчуждение, социальная депривация и anomia, ослабевала способность к совместным действиям [Bauman, 2001].

Последствия формирования прекариата оцениваются главным образом со стороны его влияния либо на благосостояние работников, либо на их социальные отношения и психологический статус. Как симптом сдвигов в фундаментальных экономических отношениях прекариат до сих не рассматривался. Впрочем, одна концепция такого рода в последнее время получила распространение среди социологов – это концепция «рентного общества», возникающего из-за роста удельного веса в доходах уязвимых социальных слоев (в т.ч. прекариата) разного рода государственных социальных пособий [Анисимов, 2022: 11; Кондрашов, 2021: 3; Мартыанов, 2017: 5]. Рента при этом понимается как фиксированный гарантированный доход, не связанный с трудовой деятельностью. Это расходится с традиционным экономическим пониманием ренты как дохода, извлекаемого благодаря монопольному обладанию каким-либо ресурсом (природным, интеллектуальным и т.д.). Но даже если оставить в стороне это различие, вряд ли можно говорить о переходе к «рентному обществу» только на том основании, что у некоторых групп населения вырос удельный вес гарантированных нетрудовых видов доходов. Роль таких сдвигов в любом случае не такова, чтобы говорить о переходе общества к некоему новому качеству. Иначе можно было бы сконструировать великое множество всяких «обществ» (включая, скажем, «прекарное общество»), если всякую новую тенденцию в социально-экономическом развитии превращать в основание для «нового общества».

Новейшие изменения социальной структуры: размывание социально-классовых статусов. Еще один феномен социальной структуры позднего капитализма, на который стоит обратить внимание, возник давно, но его широкое распространение связано именно с развитием позднего капитализма. Речь идет о росте слоя лиц с промежуточным (множественным) социально-классовым статусом, что часто является симптомом переходных экономических процессов.

Современный человек-работник может быть одновременно включен в разные виды экономической деятельности. Например, фермер может подрабатывать как наемный работник

в городе, а наемный работник может подрабатывать как самозанятый (на условиях дистанционной занятости) и т.д. Такой человек одновременно выступает и как пролетарий, и как мелкий предприниматель.

Человек может выполнять и только одну социальную функцию, но она сама является двойственной. Например, начальник цеха или мастер на заводе являются наемными работниками, но одновременно они являются агентами капитала по эксплуатации наемного труда («унтер-офицерами капитала», по выражению Маркса). Здесь, кстати, кроется ответ на вопрос, почему наемные работники более остро воспринимают социальный конфликт с другими наемными работниками, занимающими более высокое положение в иерархии фирмы (мастера, инженеры, менеджеры...), чем с владельцами капитала. Ведь антагонизм с владельцем капитала носит для рабочего абстрактный и отвлеченный характер, а «унтер-офицеры» являются для него непосредственным олицетворением капиталистической дисциплины труда. Ведь они, а не владелец фирмы, принимают решения, от которых зависит распределение работ, нормы, расценки, ставки заработной платы, прием на работу и увольнение, предоставление отпуска и т.д.

Часто за формальными признаками одного класса может скрываться прямо противоположное фактическое классовое положение. Так, рабочий, владеющий ценными бумагами, на деле может вовсе не быть капиталистом-рантье, если в его доходе доля поступлений от ценных бумаг ничтожна, как ничтожна и его доля в капитале фирмы, ценными бумагами которой он владеет. Именно поэтому распыление акционерного капитала среди миллионов мелких держателей несколько не снижает контроль крупного капитала над корпорациями. А вот наемный директор крупной корпорации, будучи по формальному статусу наемным работником, фактически может выступать как капиталист, если в его жаловании обычная оплата управленческого труда занимает совсем небольшое место по сравнению с тем, что, по существу, выступает как присвоение части прибыли (даже независимо от того, владеет ли он акциями управляемой корпорации).

В современном капитализме изначальная фигура индивидуального капиталиста-предпринимателя расплылась на множество групп, каждая из которых лишь частично исполняет функции такого «классического» капиталиста. Например, финансовый спекулянт может называться инвестором, но на самом деле он ничего не инвестирует в воспроизводство капитала – он инвестирует только в перераспределение прибыли, созданной в капиталистическом производстве. Несколько ближе к процессу воспроизводства капитала стоят представители банковской системы: по крайней мере, часть распределяемых ими кредитных ресурсов приобретает реальными предпринимателями и инвестируется в производительный капитал. Однако сами они в этом процессе непосредственно не участвуют, специализируясь на концентрации временно свободных денежных средств и на этом основании участвуя в разделе прибыли между ссудным и промышленным капиталами. Свою частичную функцию в воспроизводстве капитала несут вкладчики инвестиционных, пенсионных и страховых фондов, как и владельцы банковских депозитов. Об участии в реализации некоторых функций капиталистов иерархии наемных менеджеров, «наемных офицеров и унтер-офицеров капитала», уже говорилось. Именно они разделяют между собой те функции капитала, которые можно назвать предпринимательскими, выполняя труд по управлению производством и развитию капиталистических предприятий.

А можно ли игнорировать участие в воспроизводстве всего общественного капитала тех государственных служащих, которые вовлечены в макроэкономическое регулирование и программирование капиталистического производства? Ведь от них зависит обеспечение общих благоприятных условий для его воспроизводства, включая сюда и необходимые условия для воспроизводства переменного капитала – приобретаемой капиталистами рабочей силы (отсюда вытекают государственные расходы на образование и здравоохранение). *И только ко всем этим фигурам (и еще ряду других, не названных выше) в совокупности можно отнести понятие капиталистического класса, потому что взятые по отдельности они не обладают всем набором необходимых качеств и функций.*

Такой расплывчатый характер фигура капиталиста приобретала по мере того, как развивалось обособление отдельных функциональных форм капитала, как росла его концентрация, требовавшая специализации функций капиталиста и разделения их между различными людьми. Формирование сверхкрупных корпораций, превращение государства в макроэкономический субъект и финансиализация капитализма явились основой диффузии фигуры современного капиталиста.

Такая расплывчатость фигуры капиталиста, как и фигуры наемного работника, является одной из причин (наряду с социальными компромиссами и улучшением положения пролетариата) снижения накала классовых противоречий труда и капитала в развитых странах. Означает ли это, что классовые противоречия в тенденции вообще будут размыты? Нет, поскольку базисное отношение между трудом и капиталом (эксплуатация наемных работников для извлечения прибавочной стоимости) остается неизменным. Однако при этом на первый план будут выходить иные социально-классовые противоречия, а не те вопросы уровня оплаты и продолжительности труда (уровня эксплуатации), которые подогревали классовую конфронтацию в XIX–XX вв. К этим новым противоречиям я и обращусь несколько ниже.

Институциональные предпосылки изменений социальной структуры. В основе происходящих перемен лежат эволюция базовых экономических характеристик капиталистической системы, изменения в его основных производственных отношениях. Эти изменения могут развиваться в разных направлениях. Можно наблюдать такие тенденции, как: обратная эволюция капиталистических отношений к своим архаическим формам; углубление развития превращенных форм экономических отношений; интеграция в капиталистическую систему различных некапиталистических отношений.

Тенденцию к росту удельного веса самозанятых в современном капитализме часто интерпретируют как возрождение индивидуальной частной собственности, как рост мелкого бизнеса, то есть, с точки зрения социальной структуры, как расширение слоя мелкой буржуазии. Однако на деле большинство самозанятых вовлечены в такие экономические отношения, которые можно интерпретировать как капиталистическую работу на дому или рассеянную мануфактуру. Некогда они представляли собой архаические формы капиталистических отношений, переходные формы превращения самостоятельного мелкого производителя в наемного работника. Такой работник находился в экономической зависимости от капиталиста-нанимателя, но при этом экономил последнему издержки на содержание помещения, на приобретение орудий труда и т.п. Современный самозанятый, например, работающий дистанционно у себя дома и располагающий собственным компьютером и выходом в сеть Интернет, может быть самостоятельным производителем, торгующим плодами своего интеллектуального труда, может сам находить себе клиентов и предлагать им свои услуги. Но значительная часть самозанятых привязана к одному нанимателю (что особенно характерно для платформенной занятости), который полностью определяет задачи и условия их работы, превращая их, по существу, в своих наемных работников. Аналогично, таксист может сам владеть своей машиной, но он возит пассажиров по поручению платформы, туда, куда укажет платформа, по расценкам, устанавливаемым платформой.

Так какие же из рассмотренных сдвигов отражают наиболее глубокие изменения в эволюции современного капитализма и вызревание предпосылок посткапиталистического будущего?

Наша позиция состоит в том, что формирование прекариата – это в большей мере симптом кризиса капитализма, который уже не в состоянии воспроизводиться на основе классических отношений капитала и наемного труда, обращается к формам, схожим с раннекапиталистической архаикой. В то же время на эти формы оказывают несомненное влияние те возможности, которые создают современные технологии, и те потребности, которые вытекают из сдвигов в содержании труда. Поэтому если мы хотим разобраться с подоплекой наиболее фундаментальных долговременных тенденций эволюции социальной структуры, надо исследовать процесс возрастания слоя лиц, для которых существенную роль играет творческая деятельность. Именно на этот социальный сдвиг обращал первостепенное внимание

А.В. Бузгалин, специально исследуя философские и социально-экономические характеристики творческой деятельности [Бузгалин 2015; 2017; 2023].

Данный сдвиг отражает изменение базисных характеристик как производительных сил, так и производственных отношений капиталистического общества. Новые технологии для своего появления и использования требуют в первую очередь сочетания высокого уровня знаний и развития творческих способностей человека. Поэтому современное технологическое развитие сопровождается ростом внимания к развитию творческого потенциала человека и к созданию условий для его эффективной реализации. В связи с этим вторая половина XX и первая четверть XXI вв. характеризуются неуклонным ростом затрат на научные исследования и разработки, на систему образования и переподготовки кадров, на здравоохранение и социальное обслуживание. При этом страны, стремящиеся обеспечить или удержать лидерство в использовании творческого потенциала человека, отличаются и наиболее высоким уровнем затрат по этим направлениям.

Стоит отметить, что Россия в данном отношении находится далеко не в самом благоприятном положении. Во многом благодаря инерции советского прошлого мы сохраняем неплохие позиции по индексу развития человеческого потенциала, однако по затратам на развитие и наращивание этого потенциала мы отстаем не только от развитых, но и от ряда развивающихся стран. Если сравнить расходы России на НИОКР (стабильно сохраняющиеся на уровне 1,1% ВВП, несмотря на неоднократные решения об его увеличении) с расходами других стран, то сравнение не в нашу пользу. Так, в 2020 г. эти расходы составили: в КНР – 2,4% от ВВП, в Японии – 3,4%, в Республике Корея – 4,8% ВВП¹. Правда, по расходам на образование Россия несколько обгоняет указанные страны, но все же отстает от большинства развитых стран². Значителен и разрыв в расходах на здравоохранение. Если взять данные за 2019 г., чтобы исключить влияние ковид-пандемии, то в РФ затраты на сферу здравоохранения составили 5,65% ВВП, в Китае – 5,35%, в Японии – 10,75%, в Республике Корея – 8,14%³. При этом по сравнению со средним уровнем расходов на здравоохранение в странах ОЭСР уровень расходов на эти цели в России оказывается ниже [Щербакова, 2020].

Одно лишь простое количественное наращивание затрат по указанным направлениям вряд поможет России эффективно поправить дело. Чтобы выдвинуться на лидирующие позиции, нужно предпринимать координированные усилия в этом направлении с ясно заданной целью – обеспечить подготовку людей, обладающих творческим потенциалом, и предоставить им поприще для применения этого потенциала. Только серьезные стратегические программы развития человеческого потенциала, нацеленные не только на поднятие уровня этого потенциала, но и на результативное его применение в сфере производства, могут обеспечить нам достижение целей технологического лидерства. Но это потребует серьезной корректировки всей сложившейся в 1990–2000-х гг. экономической модели, которая в этой области если и показывала какие-то успехи, то только в эффективном торможении технологической модернизации и в пренебрежении к творческому потенциалу человека – вопреки общемировой тенденции.

Противоречия креативного труда при капитализме. Впрочем, не следует считать, что более высокая результативность наших геополитических соперников (да и партнеров, как КНР) говорит о том, что применение творческого потенциала человека там не обременено серьезными социально-экономическими противоречиями и проблемами.

¹ UNESCO Institute for Statistics. Science, technology and innovation: Gross domestic expenditure on R&D (GERD), GERD as a percentage of GDP, GERD per capita and GERD per researcher. URL: <http://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=74> (дата обращения: 29.09.2023).

² UNESCO Institute for Statistics. New UIS Data for SDG 9.5 on Research and Development. Sustainable Development Goals: Government expenditure on education as a percentage of GDP. URL: <http://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=3865> (дата обращения: 29.09.2023).

³ World Health Organization. Current health expenditure (CHE) as percentage of gross domestic product (GDP) (%) URL: [https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/current-health-expenditure-\(che\)-as-percentage-of-gross-domestic-product-\(gdp\)-\(-\)](https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/current-health-expenditure-(che)-as-percentage-of-gross-domestic-product-(gdp)-(-)) (дата обращения: 29.09.2023).

В современном обществе особая роль творческих способностей человека в производстве меняет социальный статус их носителей – но лишь в рамках того, что задается системой капиталистических общественных отношений. Творческий работник не перестает быть эксплуатируемым представителем наемного труда, хотя для него отчасти снимается феномен реального подчинения труда капиталу при сохранении формального подчинения. Капитал по-прежнему задает социально-экономическую форму творческой деятельности, ориентируя ее на производство прибавочной стоимости, но уже не контролирует технически сам творческий процесс, в противоположность тому, что имеет место на фабрике в системе машинного производства.

Самые сложные процессы, которые будут определять перспективу эволюции социальных противоречий позднего капитализма, лежат именно в сфере применения творческих функций человека. Пока слой высококвалифицированных работников, выполняющих для бизнеса особо важные функции, обеспечивая инновационное развитие, относительно невелик, хотя в целом удельный вес того, что называют «креативным классом» [Florida, 2002], оценивается рядом социологов как достаточно высокий.

Стоит отметить, например, что социологические наблюдения, характеризующие численность креативного класса, подчас странным образом исключают из него ученых, преподавателей, учителей и врачей, приписывая «креативность» лишь рекламщикам, маркетологам, программистам, представителям художественного творчества и создателям медийных продуктов [Гершман и др., 2023: 13–14]. Впрочем, директор Центра научно-технической, инновационной и информационной политики ИСИЭЗ НИУ ВШЭ М. Гершман согласен, что составляя список креативных профессий и исключая из него ученых, коллектив Центра не опирался на какие-либо оригинальные научные критерии, а просто следовал за решениями британских социологов 1990-х гг., действовавших согласно социально-политическому дискурсу того времени⁴.

Напротив, Р. Флорида чрезмерно расширяет рамки «креативного класса», похоже, намеренно не давая ему строгого определения. Хотя родоначальник теории креативной экономики Дж. Хоукинс специально подчеркивал сложности строгого разграничения творческой и нетворческой деятельности [Howkins, 2001], Р. Флорида решил попросту обойти эту трудность. Такая расплывчатость критериев выделения «креативного класса» вызвала критику набора профессий, которые Флорида относил к данному классу [Huffs Schmid, 2002; Zeller, 2004; Huffs Schmid et al., 2007; Krätke, 2010: 838].

От наиболее ценных специалистов с творческими способностями прямо зависит эффективность инновационных процессов, во многом определяющих конкурентоспособность компаний, и поэтому капитал может делиться с такими работниками частью интеллектуальной ренты, присваиваемой на основе использования творческого потенциала этих специалистов. В результате для них создается относительно привилегированное положение. Однако это привилегированное положение смягчает, но не снимает целый ряд противоречий.

Первое из них – противоречие между целями капитала, ориентированного на извлечение прибыли, и целями самореализации способностей творческих работников. Субъективно это противоречие может принимать форму осознания творческим работником своего критически важного значения в фирме и недовольства своим подчиненным положением. Это может выливаться в стремление превратиться в самостоятельного предпринимателя, но может породить и неприятие капиталистических критериев деятельности вообще.

Другое противоречие – между жесткими рамками работы на извлечение прибыли и необходимостью обеспечивать условия для свободного развития своего творческого потенциала. В рамках этого противоречия может выступать нетерпимость и к продолжению нарастания

⁴ М. Гершман о границах креативного класса и наиболее благоприятной для него среде // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Институт статистических исследований и экономики знаний. 3 марта 2023 г. URL: <https://issek.hse.ru/news/818408576.html> (дата обращения: 29.09.2023).

экологических угроз, подрывающих нормальные условия существования, и к использованию вредных или непроверенных компонентов при изготовлении продукции, несущих потенциальную угрозу здоровью, и к экономическим барьерам доступа к высшему образованию, и т.д.

Еще одно противоречие – между сохранением коммерческой тайны и стремлением творческих работников к свободному обмену знаниями и информацией. На основе этого противоречия уже сформировались определенные общественные инициативы и течения, связанные с борьбой за свободу информации (за «копилефт» как антитезу копирайту), с созданием и распространением бесплатных интеллектуальных продуктов. Имеются в виду лицензии, определяющие некоммерческие условия распространения и использования таких продуктов, а также участие творческих работников в таких способах совместной творческой деятельности, которые нередко не рассчитаны на получение вознаграждения, как, например, краудсорсинг [Brabham, 2013]. Участники краудсорсинга могут быть нацелены на финансовый результат, но весьма часто их целями являются «социальное признание, самоуважение или развитие индивидуальных навыков» [Estellés-Arolas, González-Ladrón-de-Guevara, 2012: 8].

Следует сказать и о противоречии, которое еще слабо осознается, – связанным с тем, что для творческого работника характерно размывание границы между рабочим и свободным временем (зачастую творческий процесс захватывает свободное время). В результате капитал эксплуатирует работника не только в его рабочее, но и в его свободное время, присваивая полученные в это время результаты творческой деятельности.

Наконец, еще одно противоречие носит фундаментальный характер и связано с базовыми характеристиками капитализма, на которые обращают внимание только знатоки марксистской политической экономики, да и то далеко не все. Для обыденного сознания его как бы не существует вовсе. Это противоречие связано с тем, что творческая деятельность человека представляет собой так называемый всеобщий труд [Маркс, 1969: 207–208; Маркс, 1961: 116]. Творчество, в особенности научное (и художественное также), неизбежно вовлекает в процесс индивидуальной или коллективной творческой деятельности результаты творчества широкого круга предшественников и современников. Например, никакие расчеты не могут обойтись без знания хотя бы таблицы умножения, а в большинстве случаев – и более сложного, ранее разработанного, математического аппарата. Разработка новых технологий требует вовлечения в этот процесс множества знаний из физики, химии, биологии, результатов экспериментов и теоретических выводов, сделанных другими исследователями, и т.д. Эти знания воплощаются в продуктах интеллектуального труда наряду с вкладом тех, кто непосредственно занимался данным исследованием или разработкой. Поэтому капитал, экономически реализуя результаты творческой деятельности своих наемных работников в виде присвоения интеллектуальной ренты, присваивает и вклад в интеллектуальные продукты творческого труда массы предшественников и современников. Но если наемный работник получает заработную плату за свой труд, то использование знаний, ставших всеобщим достоянием, капиталом никак не оплачивается – он присваивает их даром, в то же время извлекая с их помощью интеллектуальную ренту [Колганов, 2024: 14–15].

Пока накал всех этих противоречий явно уступает накалу традиционных классовых конфликтов, даже в смягченной (впрочем, только в странах высокоразвитого капитализма) форме. Однако по мере роста масштабов и значения творческой деятельности и необходимости все более широкого использования творческого потенциала человека их значение будет возрастать.

«Загнивание капитализма» или «ростки социализма»? Во всех этих социальных тенденциях причудливо переплетается углубление противоречий капиталистического развития и появление ростков посткапиталистических тенденций. Например, феномен прекариата, с одной стороны, демонстрирует стремление капитала перейти к найму работников на нерегулярной основе: это позволяет значительно сократить социальные гарантии и, сделав положение работника нестабильным, укрепить свои переговорные позиции по условиям найма и оплаты труда. С другой стороны, распространение неполной и частичной занятости вкупе с мерами социальной поддержки предоставляет потенциальную возможность формирования более

гибкого распределения времени труда и отдыха, что как раз соответствует запросам творческих работников [Кондрашов, 2021]. Другой пример – краудсорсинг, который в своей бесплатной форме вполне соответствует определенности коммунистического труда (добровольный совместный творческий труд без нормы и без расчета на вознаграждение), но в то же время может использоваться как способ эксплуатации капиталом творческого энтузиазма людей.

Описанные выше противоречия творческой деятельности в условиях капитализма характеризуются столкновением экономических условий капиталистического способа производства с теми характерными чертами творческой деятельности, которые не находят адекватной реализации в этих экономических условиях. Поэтому разрешение этих противоречий возможно лишь при отходе от капиталистических производственных отношений. Сами указанные противоречия являются стимулом движения к новому историческому этапу социально-экономического развития, который традиционно определяется как социализм. Частично такой отход осуществляется уже в рамках капитализма и проявляется, например, в значительных размерах бюджетного финансирования здравоохранения, образования и науки, а также в мерах по смягчению социальной дифференциации населения.

С точки зрения эволюции социальной структуры капитализма социальной базой такого движения выступают социальные слои, для которых современный капитализм не создает нормальных условий для их самореализации. К таким слоям можно отнести, прежде всего, наемных работников творческого труда (часть которых пересекается с прекариатом).

В какой мере то же самое относится к более традиционным наемным работникам сферы услуг и промышленности, в меньшей мере связанным с творческими функциями? Противоположность их классовых интересов с интересами буржуазии нигде не исчезла. Она будет подпитываться такими тенденциями, как сокращение занятости в этих сферах по мере развития автоматизации производства. Однако для этой части наемных работников свойственно ограничение только экономическим конфликтом с буржуазией вокруг условий труда и уровня его оплаты. Лишь меньшая их часть приходит к активному стремлению выйти за пределы капиталистических порядков (например, через создание рабочих кооперативов). Можно предположить в перспективе формирование социальной коалиции наемных работников творческого труда с наиболее активной частью традиционных слоев пролетариата. К ним могут примкнуть также те слои творческих работников, работников промышленности и сферы услуг, которые оказались в положении прекариата, хотя последние нередко проявляют социальную пассивность.

Выводы. Современные изменения в социальной структуре обществ позднего капитализма свидетельствуют о двух тенденциях. С одной стороны, можно наблюдать развитие и углубление противоречий капитализма, сопровождающееся диффузией и даже разложением социальных групп и классов «классического» капитализма. С другой стороны, для новых социальных групп становится характерной вовлеченность в производственные отношения, включающие в себе посткапиталистические элементы.

Это означает, что в рамках позднего капитализма все более активно формируются некоторые элементы производственных отношений, переходные к социализму. Если ранее такие отношения развивались на периферии капиталистического способа производства (примером чего являются рабочие кооперативы), сейчас они стали все шире охватывать капиталистический процесс производства, взятый в целом. Это связано с развитием современных технологий и изменившимся под их воздействием содержанием труда, возрастанием роли творческой деятельности, приходящим в конфликт с его капиталистической формой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов Р.И. Рабочее время и социальные гарантии precarious (опыт сравнительного анализа) // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 100–111.
- Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.
- Бузгалин А.В. Определенность, овещнение и отчуждение: актуальность абстрактных философских дискуссий // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 124–130.
- Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53.
- Бузгалин А.В. Креативная [пост]экономика: от социологического к политико-экономическому осмыслению // Вопросы философии. 2023. № 6. С. 45–56.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.
- Воронин Г.Л., Крамер А.Д. Прекариат: социологический анализ нового социального феномена // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 4 (72). С. 111–121.
- Гершман М.А., Демьянова А.В., Полякова Е.Ю. Креативный класс России: портрет в цифрах. Высшая школа экономики. Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала. Научный дайджест. Спецвыпуск. 2023. URL: https://www.hse.ru/data/2023/01/09/2039229413/Human_Capital_NCMU_Digest_Special_Issue%20_Russia_Creative_Class_01-2023.pdf (дата обращения: 29.09.2023).
- Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
- Колганов А.И. Значение человеческого потенциала как фактора и критерия социально-экономического развития // Экономическая наука современной России. 2024. № 3 (106). С. 7–23.
- Кондрашов П.Н. От общества рынка к обществу ренты // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 157–163.
- Маркс К. Капитал. Т. III. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. М.: Госполитиздат, 1961.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. М.: ИГЛ, 1969.
- Мартыанов В.С. Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 141–153.
- Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. Под ред. С.Г. Струмилина. М.: Государственное статистическое издательство, 1956.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.
- Щербачева Е.М. Затраты на охрану здоровья в странах ОЭСР, 2019 // Демоскоп Weekly. № 859–860. 18–31 мая 2020 г. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0859/barom02.php> (дата обращения: 29.09.2023).
- Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge, UK: Polity, Blackwell, 2000.
- Bauman Z. The Individualized Society. Cambridge, UK: Polity, Blackwell, 2001.
- Beck U. Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
- Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973.
- Berle A.A., Means G.C. The Modern Corporation and Private Property. N.Y.: The Macmillan Company, 1932.
- Brabham D.C. Crowdsourcing. Cambridge, Massachusetts; L., England: The MIT Press, 2013.
- Burnham J. Managerial Revolution. Bloomington and London: Indiana University Press, 1941.
- Chase, S. A New Deal. N.Y.: The Macmillan company, 1932.
- Estellés-Arolas E., González-Ladrón-de-Guevara F. Towards an Integrated Crowdsourcing Definition // Journal of Information Science. 2012. No. 38 (2). P. 189–200.
- Finanzinvestoren: Retter oder Raubritter? Neue Herausforderungen durch die internationalen Kapitalmärkte. Ed. by J. Huffschnid, M. Köppen, W. Rhode. Hamburg: VSA, 2007.
- Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. N.Y.: Basic Books, 2002.
- Die Globale Enteignungsökonomie. Ed. by C. Zeller. Münster: Westfälisches Dampfboot, 2004.
- Howkins J. The Creative Economy. How People Make Money from Ideas. L. and N.Y.: Penguin Press, 2001.
- Huffschnid J. Politische Ökonomie der Finanzmärkte. Hamburg: VSA, 2002.
- Kalleberg A.L. Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s–2000s. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2011.
- Krätke S. 'Creative Cities' and the Rise of the Dealer Class: A Critique of Richard Florida's Approach to Urban Theory // Journal of Urban and Regional Research. 2010. № 34(4). P. 835–853.

Shaw-Taylor L. The Occupational Structure of England and Wales, c.1750–1911. Paper prepared for the INCHOS workshop held in Cambridge July 29th–31st 2009. The Cambridge Group for the History of Population and Social Structure. URL: <https://www.campop.geog.cam.ac.uk/research/projects/occupations/britain19c/papers/paper5.pdf> (assessed 21.02.2025).

Standing G. The Precariat: the New Dangerous Class. L.: Bloomsbury Academic, 2011.

Veblen T. The Engineers and the Price System [1921]. Kitchener: Batoche Books, 2001.

Статья поступила: 25.02.25. Финальная версия: 09.02.25. Принята к публикации: 17.03.25.

THE DIFFUSION OF THE SOCIAL STRUCTURE OF MODERN CAPITALISM AS A REFLECTION OF THE POST-CAPITALIST TENDENCIES FORMATION

KOLGANOV A.I.,

Lomonosov Moscow State University, Russia

Andrey I. KOLGANOV, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of the Laboratory for Comparative Research of Socio-Economic Systems, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (onaglo@mail.ru).

Acknowledgments. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific project No. 23-18-00508.

Abstract. The processes of erosion (diffusion) of the social structure of late capitalism are considered in the article as symptoms of the post-capitalist tendencies development. The structure of the main classes of capitalist society is undergoing various structural shifts. There is a fragmentation of the main classes into increasingly narrow socio-professional groups. At the same time, there is an intertwining of different class characteristics within the same socio-professional group, as well as the performance of different socio-class functions by the same persons. There are also emerging trends that affect many socio-professional groups, giving them certain common properties. In this sense, the formation of the precariat is characteristic is based on the acquisition by representatives of various socio-professional groups of such a common property as instability of employment and income. But the most fundamental shifts in the social structure and in the social position of various social strata of capitalist society are associated with the increasing role of creative activity. This trend is brought to life by the spread of modern sophisticated technologies, the growing knowledge of the intensity of production, and the need for capital to maintain a high intensity of innovation processes. Such shifts lead to the formation of contradictions between the conditions of a person's self-realization in creative activity and those narrow limits in which this activity is subordinated to the interests of self-growth of capital. At the same time, a significant part of a person's creative potential is used within the framework of the so-called "useless sector" – a significant part of what is called "creative industries" is focused not on the goals of human development, but on manipulating market and consumer behavior in order to get more effectively appropriate profits.

Keywords: creative activity, precariat, postcapitalism, class diffusion, social structure, human potential.

REFERENCES

- Anisimov R.I. (2022) Working Hours and Social Guarantees of Precariums (Comparative Analysis Experience). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 100–111. (In Russ.)
- Bauman Z. (2000) *Liquid Modernity*. Cambridge, UK: Polity, Blackwell.
- Bauman Z. (2001) *The Individualized Society*. Cambridge, UK: Polity, Blackwell.
- Beck U. (1986) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. (In German)
- Bell D. (1973) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting*. N.Y.: Basic Books.
- Berle A.A., Means G.C. (1932) *The Modern Corporation and Private Property*. N.Y.: The Macmillan Company.
- Bodrunov S.D. (2018) *Noonomy*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. (In Russ.)
- Brabham D.C. (2013) *Crowdsourcing*. Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press.
- Burnham J. (1941) *Managerial Revolution*. Bloomington and London: Indiana University Press.
- Buzgalin A.V. (2015) Objectification, Reification and Alienation: Relevance of Abstract Philosophical Discussions. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 5: 124–130. (In Russ.)
- Buzgalin A.V. (2017) Creative Economy: Private Intellectual Property or Everyone's Ownership of Everything? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 43–53. (In Russ.)

- Buzgalin A.V. (2023) Creative [Post]Economics: from Sociophilosophical to Political Economy Understanding. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 6: 45–56. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019) Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie towards Precariat and Creative Class? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 18–28. (In Russ.)
- Chase S. (1932) *A New Deal*. N.Y.: The Macmillan company.
- Estellés-Arolas E., González-Ladrón-de-Guevara F. (2012) Towards an Integrated Crowdsourcing Definition. *Journal of Information Science*. No. 38 (2): 189–200.
- Financial Investors: Saviours or Robber Barons. New Challenges by the International Capital Markets. (2007) Ed. by J. Huffschnid, M. Köppen, W. Rhode. Hamburg: VSA. (In German.)
- Florida R. (2002) *The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. New York: Basic Books.
- Galbraith J.K. (1969) *The New Industrial State*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Gershman M.A., Demyanova A.V., Polyakova E.Y. (2023) *Creative class of Russia: portrait in numbers*. Higher School of Economics. The Center for Interdisciplinary Research of Human Potential. Scientific digest. Special edition. URL: https://www.hse.ru/data/2023/01/09/2039229413/Human_Capital_NCMU_Digest_Special_Issue%20_Russia_Creative_Class_01-2023.pdf. (In Russ.)
- The Global Dispossession Economy. (2004) Ed. by C. Zeller. Münster: Westfälisches Dampfboot. (In German)
- Howkins J. (2001) *The Creative Economy. How People Make Money from Ideas*. L. and N.Y.: Penguin Press.
- Huffschnid J. (2002) Political economy of financial markets. Hamburg: VSA. (In German)
- Kalleberg A.L. (2011) *Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s-2000s*. New York: Russell Sage Foundation.
- Kolganov A.I. (2024) The Importance of Human Potential as a Factor and Criterion of Socio-Economic Development. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [The economic science of modern Russia]. No. 3 (106): 7–23. (In Russ.)
- Kondrashov P.N. (2021) From the Market Society to the Rent Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 157–163. (In Russ.)
- Krätke S. (2010) 'Creative Cities' and the Rise of the Dealer Class: A Critique of Richard Florida's Approach to Urban Theory. *Journal of Urban and Regional Research*. No. 34(4): 835–853.
- Marx K. (1961) Capital. Vol. III. In: Marx K., Engels F. *Works*. 2 ed. Vol. 25 (I). Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Marx K. (1969) Economic Manuscripts of 1857–1859. In: Marx K., Engels F. *Works*. 2 ed. Vol 46 (II). Moscow: IPL. (In Russ.)
- Martianov V.S. (2017) Our Rental Future: Global Contours of a society without labor? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 141–153. (In Russ.)
- Rashin A.G. (1956) The Population of Russia for 100 years (1813–1913). Statistical essays. Ed. by S.G. Strumilin. Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- Shaw-Taylor L. (2009) *The Occupational Structure of England and Wales, c.1750–1911*. Paper prepared for the INCHOS workshop held in Cambridge July 29th-31st. The Cambridge Group for the History of Population and Social Structure. URL: <https://www.campop.geog.cam.ac.uk/research/projects/occupations/britain19c/papers/paper5.pdf> (assessed 21.02.2025).
- Shcherbakova E.M. (2020) Health protection costs in OECD countries, 2019. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly]. No. 859–860, May 18–31. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0859/barom02.php> (assessed 29.09.2023). (In Russ.)
- Standing G. (2011) *The Precariat: the New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic.
- Toshchenko J.T. (2015) The Precariat is a New Social Class. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–13. (In Russ.)
- Veblen T. (2001) *The Engineers and the Price System* [1921]. Kitchener: Batoche Books.
- Voronin G.L., Kramer A.D. (2023) The Precariat: a Sociological Analysis of a New Social Phenomenon. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. Series: Social Sciences]. No. 4 (72): 111–121. (In Russ.)

Received: 25.02.25. Final version: 09.03.25. Accepted: 17.03.25.